

© Энтина Е.Г.¹

Сербская внешняя политика: вызовы и восприятие

Аннотация. Несмотря на то, что по большинству базовых характеристик современная Сербия представляет собой малое континентальное государство, находящееся в пространстве крупного geopolитического проекта (европейской и евро-атлантической интеграции), привычное в академическом дискурсе осмысление сербской внешней политики в категориях либеральных и реалистских теорий не в полной мере объясняет текущую действительность сербской внешнеполитической повестки. Одним из основных недостатков этих теоретических конструктов является то, что они не учитывают фактор самовосприятия сербского народа и государственности, играющий большую роль в формировании внешнеполитического курса страны. Другая проблема заключается в том, что, решая внешнеполитические задачи, Белград вынужден учитывать гораздо больший набор факторов, чем среднестатистическая страна сопоставимого уровня. К этим факторам относятся: наличие нерешенного национального вопроса, этнотERRиториальный конфликт, настороженно (а иногда враждебно) настроенное внешнее окружение, вызовы межрелигиозного и внутриконфессионального диалога регионального масштаба, конкуренция международных акторов и т.д. С одной стороны, это открывает перед

¹ Энтина Екатерина Геннадьевна – доктор политических наук, профессор, НИУ ВШЭ, руководитель Отдела Черноморско-Средиземноморских исследований, ИЕ РАН; e.entina@hse.ru

Сербией окно возможностей, с другой – создает чрезмерную взаимозависимость между внешней и внутренней политиками.

Данная работа рассматривает основополагающие аспекты внешней политики Сербии (ее стратегию многовекторности и пределы потенциала балансирования между значимыми игроками в регионе) в тесной привязке к трем принципиальным для конструктивистской парадигмы моментам: пониманию размытости собственных национальных и государственных границ, восприятию роли национального лидера и осознанию полиакторности сербского политического пространства.

Ключевые слова: Сербия, внешняя политика, конструктивизм, многовекторность, полиакторность.

Подавляющее большинство теорий международных отношений (МО) предполагают, что малые и средние государства выстраивают свое международное позиционирование с опорой на более сильного партнера или за счет включения в многосторонние интеграционные форматы. С точки зрения реалистских теорий международных отношений, встраивание в многосторонний формат обычно преследует цель либо сбалансировать имеющиеся угрозы, либо избежать их через подключение к более сильным или многочисленным игрокам [Walt, 1987]. В рамках либеральных теорий встраивание в многосторонние форматы для малых и средних государств является попыткой избежать эксцессов международной анархии и силовой политики – межгосударственные и наднациональные институты создают более предсказуемую и регулируемую среду, в которой малые и средние державы могут максимизировать выгоды от международного сотрудничества [Transnational relations … , 1972].

В таких категориях обычно рассматривается и внешняя политика Сербии (см., напр.: [Vuksanovic, 2021 ; Guzina, 2023]). Однако подобная фокусировка представляется не совсем релевантной. Действительно, по большинству базовых характеристик современная Сербия представляет собой малое континентальное государство, находящееся в пространстве крупного геополитического проекта (европейской и евро-атлантической интеграции). Вместе с тем среди небольших стран региона Сербия исторически имеет наиболее яркую и длительную историю государственности, а, кроме того, она неоднократно выступала инициатором соб-

ственных геополитических проектов или занимала особую позицию в поворотные моменты европейской истории. Это предопределяет существование особого типа самовосприятия у сербского народа и руководства страны. В силу комплекса различных причин внешнеполитические амбиции современной Сербии масштабнее, чем ее реальные возможности.

Многовекторность как основа внешней политики

С 2008 г. в официальных документах Республики Сербия де-юре была закреплена специфическая версия национального внешнеполитического балансирования: вступление в ЕС (без вступления в НАТО) при стратегическом партнерстве с США, Китаем и Россией. В конце 2000-х годов казалось, что такая позиция вполне соотносится с основными тенденциями развития миропорядка и может предоставить Белграду наибольшие преференции на международной арене. Основным недостатком этой сложной конструкции было то, что уже тогда между вышеназванными «стратегическими приоритетами» существовали серьезные противоречия практически во всех областях их реализации, начиная от моделей построения международных партнерств и заканчивая признанием, что все их участники – конкуренты друг другу, и их видимые союзы или стратегические партнерства – США / ЕС и КНР / РФ – имеют очевидные внутренние пределы, связанные с различным восприятием задач собственного стратегического развития.

Так, принятый при Д. Трампе курс «Америка прежде всего» в той интерпретации, которую ныне предлагает администрация Д. Байдена, складывается из трех элементов: 1) восстановление военно-стратегического и технологического господства в мире путем массированного финансирования реиндустириализации; 2) выстраивание системы союзнических отношений и привлечение на свою сторону всех потенциально зависимых стран в целях переформатирования мировых политики и экономики в сугубо американских интересах; 3) осуществление комплекса мер, направленных на ослабление Китая и России, официально объявленных системными противниками, и принуждение максимального количества государств к принятию мер сходного характера [Rogov, 2022 ; Luo, Assche, 2023]. Кроме того, США и ЕС в рамках G7 договорились проводить скоординированную экономическую поли-

тику, направленную на привязку к G7 развивающегося мира путем осуществления крупномасштабных дорогостоящих инфраструктурных и других проектов, которыми они прежде пренебрегали (см., напр.: [Долгосрочная игра ... , 2023]).

Со своей стороны, Китай не только перебрасывает производства и цепочки создания стоимости в соседние страны, но и продолжает последовательно укреплять свое политическое присутствие в мире – в Азии, Африке, Латинской Америке. Точно так же ЕС ведет переговоры со странами других регионов для обеспечения безопасности поставок, усиления своих позиций на внешних рынках, навязывания другим государствам своей модели социально-экономического развития и представлений о будущем.

Каждая из внешнеполитических концепций всех трех акторов имеет собственную, отличную от других, идеологическую составляющую: для США это новое издание американской мечты и Pax Americana; Китай отстаивает постулаты сопряжения с миром через общность судьбы и истории; ЕС – через «зеленую» идею самосохранения и саморазвития посредством тотальной перестройки технологического цикла экономики. Россия по отношению к США, КНР и ЕС в какой-то степени находится на позиции догоняющего: стремится сформулировать альтернативную западной систему общечеловеческих ценностей и стать идейным лидером растущего развивающегося мира, так называемого «мирового большинства», опираясь на тот колоссальный задел в мировой истории и культуре, который есть в ее распоряжении, и на непопулярность ценностей постмодерна в массовом сознании обществ развивающихся стран.

Балансирование посредством взаимного хеджирования

Весь комплекс противоречий между США, ЕС, Китаем, Россией и рядом лидеров регионального уровня, например, Турцией невозможно полностью обрисовать даже сегодня, хотя его контуры сформировались еще в 2000-е годы. В последние полтора десятилетия Белград выстраивает свою внешнюю политику в режиме постоянного лавирования между вышеназванными игроками. Так, с 2008 г. и ориентировано до 2017–2018 гг. в конгломерате своих партнеров он особо выделял Европейский союз. Можно даже предположить, что факт одностороннего провозглашения незави-

симости Косова 17 февраля 2008 г. был «разменян» тогдашним президентом Сербии Б. Тадичем на газовое соглашение с Россией [Соглашение … , 2008] и подписание Соглашения о стабилизации и ассоциации с ЕС [Stabilisation and association … , 2013]. В 2010 г. сербское руководство при президенте Б. Тадиче, сделав ставку на скорейшее вступление в Евросоюз, вывело страну из переговорного формата ООН по косовскому вопросу и согласилось на проведение технической, а затем политической нормализации отношений с Приштиной под эгидой Брюсселя [Иванов, Тарабенко, 2011]. 19 апреля 2013 г., уже во время президентства Т. Николича (2012–2017), было подписано Соглашение о нормализации отношений между Белградом и Приштиной [Brussels Agreement … , 2013], в обмен на которое в июне того же года Сербия получила «зеленый свет» для начала переговоров о вступлении в ЕС. Вместе с тем первые переговорные главы были открыты лишь полтора года спустя, в декабре 2015 г. [2015 : Serbia opens … , 2016]. За это время в ЕС вступила соседняя Хорватия, а 18 марта 2014 г. Крым вернулся в состав России, и это событие вызвало волну национал-патриотических сентиментов среди сербской общественности, напрямую связывающей возрождение великодержавной России с шансами Сербии добиться более справедливого мироустройства на Балканах. Свою роль сыграл и миграционный кризис в ЕС 2015–2016 гг., в ходе которого Сербия оказалась территорией массового транзита беженцев. Укрепление международного потенциала Турции – другого крупного внутрирегионального игрока на Балканах – также не осталось незамеченным. Тем не менее среди населения уровень поддержки европейской интеграции был по-прежнему высок, и сербское политическое руководство последовательно декларировало в качестве своей основной внешнеполитической цели вступление в Евросоюз.

Но одновременно в Сербии на фоне всех вышеперечисленных факторов, а также интенсификации переговоров об окончательном решении косовского вопроса наблюдался и рост массовых протестов, участники которых обвиняли премьер-министра А. Вучича в готовности «сдать» Косово в обмен на обещания Брюсселя о скорейшей интеграции в ЕС.

Длительные протесты в Белграде в 2016–2017 гг. и стремительные изменения в геостратегическом окружении республики

вынудили А. Вучича в большей, чем прежде, степени сбалансировать движение к заявленной внешнеполитической цели взаимодействием с другими международными акторами, которые могли либо скомпенсировать шаткость сербской позиции по косовскому вопросу своей политической поддержкой (Россия), либо предоставить Сербии заметные объемы инвестиций (Китай или страны Персидского залива), – оба подхода успешно «размывали» в общественном сознании болезненные ощущения, возникавшие вследствие использовавшейся Брюсселем политики «кнута и пряника».

В конце 2018 г. диалог Приштины и Белграда прервался. Формально это было вызвано введением 100% пошлины на сербские товары, ввозимые на территорию самопровозглашенной республики [Косово ввело ..., 2018]. Тупик в переговорном процессе свидетельствовал, в числе прочего, о неспособности Брюсселя выступать посредником в переговорах, когда ни одна из сторон не хочет идти на компромиссы, а привычные инструменты «кнута и пряника» становятся менее эффективными из-за неготовности многих стран – участниц ЕС поддержать дальнейшее расширение интеграционного объединения. Примерно с этого времени общественная поддержка перспективы вступления Сербии в ЕС постепенно снижается, нарастают гражданские протесты самого разного содержания, и одновременно риторика А. Вучича в диалоге с ЕС становится, – по крайней мере на публике, – все более резкой.

Дискуссии о европейской интеграции как главной внешнеполитической цели по-прежнему продолжаются, но основной акцент теперь ставится на том, что Белград не готов беспрекословно следовать в фарватере общей внешней политики и политики безопасности ЕС и благоразумно намерен проводить собственную диверсифицированную внешнюю политику. При этом, если в предыдущий период цель подобной риторики была очевидной – получить в торге с ЕС максимальные выгоды, то в последние несколько лет основной целью стало, скорее, «затягивание» времени, причем не только чтобы отдалить принятие неприятных решений по косовскому вопросу, но и понять, чем закончится процесс переформатирования глобального международного взаимодействия.

На этом фоне особенно хорошо заметен подъем сербско-китайского сотрудничества, которое Белград уверенно расширяет вопреки позиции ЕС и США. Стоит отметить, что экономическое

взаимодействие Сербии с КНР стало активно развиваться с начала 2010-х годов, особенно после запуска формата сотрудничества между КНР и странами ЦВЕ «16+1» (2012) и китайской инициативы «Один пояс – один путь» (2013), и обрело явно выраженное политическое значение в период пандемии COVID-19.

В то же время и Россия начала играть более активную роль в процессе политического позиционирования Сербии как суверенного государства с независимой внешнеполитической позицией, не приемлющего вмешательства третьих стран в свои внутренние дела. Апофеозом дискурсивного вовлечения Москвы в борьбу Белграда за свои суверенные права стали заявления РФ о важности партнерского статуса Сербии, прозвучавшие во время внеочередных парламентских и муниципальных выборов в Сербии 17 декабря 2023 г. Именно Москва первой – и даже вопреки заявлениям самого сербского президента на официальном уровне – назвала протесты сербской оппозиции попыткой «цветной революции» [Посол России ... , 2023], тем самым четко обозначив свое отношение к проходящему. В свою очередь, премьер-министр Сербии А. Бранабич поблагодарила российские спецслужбы за вовремя предоставленную информацию о возможных силовых акциях оппозиции по итогам выборов [Премьер Сербии ... , 2023]. Подобный политический шаг, с одной стороны, полностью отвечал интересам России, последовательно выступающей за недопустимость вмешательства во внутренние дела любых государств, с другой – позволил Москве конкретизировать свою партнерскую роль, которая в последнее время стала казаться менее актуальной из-за отсутствия крупных инвестиций и постепенного уменьшения эффективности использования нарративов об историческом братстве, с третьей – позволил Белграду в еще большей степени, чем ранее, дистанцироваться от системного присутствия в стране иностранных НКО, ведущих активную политическую деятельность.

Наиболее сложный концепт во внешнеполитической повестке Сербии на сегодняшний день – взаимодействие с США, которое Белград, кажется, уже даже номинально воспринимает отдельно от взаимодействия с ЕС. Несмотря на то, что Сербия придерживается принципа «военного нейтралитета», а диалог Белграда с Вашингтоном по-прежнему омрачен памятью о событиях 1990-х годов и вдобавок – что именно США являются основным спонсором про-

екта независимого Косова, за последние полтора десятилетия официальный Белград практически никогда не говорил о своих прошлых обидах или о том, что США оказывают на Сербию чрезмерное давление или занимают неконструктивную позицию. Напротив, обе стороны постоянно подчеркивают важные достижения в развитии двусторонних отношений, отмечают важность двустороннего партнерства. Позитивное описание сотрудничества с США принципиально отличает риторику сербского президента и истеблишмента по отношению к Белому дому от их риторики, адресованной Брюсселю.

Тем не менее именно Вашингтон продолжает играть ключевую роль в управлении политическими кризисами во всем регионе. В частности, он оказывает давление на Сербию посредством влияния на ситуацию по периметру ее внешних границ – в Боснии и Герцеговине, Румынии, Черногории, Северной Македонии. При этом многочисленные НКО и СМИ, получающие ресурсную поддержку из США, в значительной степени контролируют внутреннюю информационную среду и сферу политического консалтинга Сербии. Важно также отметить, что одновременно на более высоком уровне, используя слабости Брюсселя в построении институционального пространства на Балканах, США демонстрируют европейской дипломатии несокрушимость собственного лидерства на широком пространстве ЕС. Можно даже говорить о том, что теория «управляемого хаоса», в рамках которой многие исследователи объясняют внешнеполитическое поведение США с начала 1990-х годов, для Балкан и Сербии кажется вполне состоятельной.

Однако для Сербии, с точки зрения решения задач национального внешнеполитического балансирования, подобная стратегия США вполне приемлема, поскольку создает событийный поток, стимулируя других международных акторов к более активным действиям или, по крайней мере, обеспечивает их стремление сохранить свое присутствие в регионе при любых обстоятельствах.

Таким образом, современная сербская политика, основанная на одновременном развитии нескольких направлений международного взаимодействия в условиях их взаимной конкуренции, – это, скорее, *система хеджирования рисков*, возникающих в результате попыток крупных геополитических игроков использовать страны, подобные Сербии, не только в своих целях, но и против

друг друга. Такую внешнеполитическую стратегию можно только с натяжкой назвать стратегией балансирования.

Полиакторность сербского пространства

Стоит отметить, что указанные четыре международных актора – США, ЕС, КНР и РФ – рассматривают Сербию с большим вниманием, чем, возможно, она того заслуживает. Для ЕС Сербия – существенный элемент в проекте европейской интеграции. Для США в рамках взаимодействия с Белградом наиболее важные задачи – забыть «темные страницы» истории двусторонних отношений и реализовывать разноплановое влияние на самую крупную нацию субрегиона. Для России Белград – сегодня фактически последний (но одновременно с этим – ключевой) форпост влияния в славянской и православной части Европы. Наконец, для КНР Сербия – крупный транзитный геоэкономический узел на перекрестье Европы и Восточного Средиземноморья. Со всеми этими игроками у Сербии есть соглашения о стратегическом партнерстве или их аналоги. И тем не менее, вопреки «букве» этих соглашений, ни один из указанных акторов не является стратегическим партнером Сербии в полном смысле этого слова. Как показывает история, за последнюю четверть века никто из крупных игроков не был готов вовлекаться в дела региона настолько, чтобы вытеснить других и обрести возможность монопольного влияния. Полиакторность сербского пространства вполне устраивает и США, и ЕС, и РФ, и КНР, хотя в политической риторике нередко звучат иные заявления.

В данном аспекте наиболее противоречивой является политика Европейского союза.布鲁塞尔 действует по отношению к Сербии как к стране-кандидату, традиционно сочетая два инструмента: формирование лояльных проевропейских политических элит и встраивание критически важных элементов национальной системы государственного управления и реального сектора экономики в институциональное и правовое пространство ЕС. При работе с другими странами-кандидатами на вступление эти два инструмента были примерно равны по своему значению. Но в отношении Сербии принципиальное значение имеет второй. Даже при наличии в сербском истеблишменте политического консенсуса о вступлении в Евросоюз布鲁塞尔 за 20 лет так и не удалось создать здесь требуемый уровень политической лояльности. Во мн-

гом это роднит политическую сцену Сербии с ситуацией в Болгарии, где раздробленность политических элит и отсутствие консенсусного общественного сознания становятся причинами как внутренних политических кризисов, так и постоянно возникающих противоречий во взаимодействии с ЕС, даже несмотря на членство Софии в интеграционном объединении.

В свою очередь, относительно низкий уровень лояльности политических элит по отношению к Евросоюзу позволяет Сербии разыгрывать карты многомерной внешней политики. Во времена более сильных европейских политиков, таких как А. Меркель, сербскому руководству это удавалось хуже. Но с приходом к власти в Брюсселе и Берлине технократов Белград перевел диалог с ними в сугубо прагматичное русло. Так, сербское руководство перестало скрывать свое недовольство затягиванием процесса евроинтеграции страны, а в последнее время – также политикой Брюсселя по ускоренному включению Молдавии и Украины в состав ЕС и попытками оказывать давление на Белград, чтобы заставить его встроиться в общую внешнюю политику и политику безопасности ЕС. Одновременно А. Вучич дает брюссельской бюрократии понять, что скорейшее включение Сербии в Евросоюз может стать ключом к решению всех проблем.

Но несмотря на то, что предложения сербского руководства достаточно реалистичны, Брюссель продолжает давить на Белград, угрожая приостановить переговоры о евроинтеграции, как уже было в 2006 г. Тогда этот способ продемонстрировал свою эффективность, однако сегодня его применение, скорее всего, может привести к окончательной потере интереса Сербии к европейской интеграции и заморозке практического сотрудничества на достигнутом уровне (с учетом того, что уровень взаимной интеграции Сербии и ЕС в экономической и инфраструктурных сферах достаточно высок).

В сложившейся ситуации ни Россия, ни Китай, ни США не заинтересованы в максимизации собственного влияния в регионе через вытеснение из него других акторов. Подобный подход к внешней политике в целом не характерен для КНР, которая вряд ли стратегически разделяет европейскую территорию западнее России и Белоруссии на отдельные сегменты, рассматривая ее как более-менее единое пространство, интегрированное экономически,

но пока не урегулировавшее отдельные нюансы в сфере правовой и торговой гармонизации. Для США, обладающих исключительно высоким политическим авторитетом во всех странах региона, уход отсюда нескольких международных акторов не имеет принципиального значения, особенно на фоне практически полной «натоизации» Юго-Восточной Европы. Монопольное присутствие на Балканах, где Вашингтон исторически делал ставку на балансирование между разными национализмами, очевидно, не является приоритетом для США, решающих в настоящее время более насущные задачи переформатирования союзнических связей в разных регионах мира.

Для России гипотетический отказ Сербии от европейской интеграции на сегодняшний день и в краткосрочной перспективе – скорее политический вызов, нежели желанная цель, поскольку такое развитие событий переложит на Москву всю ответственность за развитие и внутреннюю стабильность чрезвычайно сложно скроенного и окруженнего НАТО «сербского мира». Более предпочтительным сценарием представляется сохранение статус-кво при одновременном усилении позиций нейтрально-дружественного к России треугольника Австрия–Венгрия–Сербия с потенциалом возвращения в эту орбиту Словении и Словакии.

В целом можно констатировать, что стратегические партнерства, которыми располагает Сербия, не накладывают ни на нее, ни на ее визави никаких жестких обязательств. В какой-то степени эти партнерства – не более чем элемент общей международно-политической игры.

A. Вучич vs И. Броз Тито

Полиакторность сербского пространства и многовекторная внешняя политика Сербии позволяют некоторым экспертам говорить о повторении феномена «внеблоковой Югославии» и сравнивать А. Вучича с И. Броз Тито [Pantovic, 2016]. Парадокс заключается в том, что по ряду формальных признаков такой феномен действительно сложился, но это не привело к «реинкарнации» особого типа субъектности «титовской» Югославии, позволяющей стране использовать не только тактические, но и стратегические преимущества внеблокового положения.

Действительно, «великие державы», в первую очередь США, ЕС и Россия, – как и несколько десятилетий назад, используют Белград как полигон для относительно безболезненной декларации «красных линий» в диалоге друг с другом. С одной стороны, это пространство, где каждый может весьма болезненно «ушипнуть» другого, не опасаясь при этом вызвать непропорционально резкую реакцию противника. С другой стороны, А. Вучич, как и И. Броз Тито, уверенно играет на существующей конкуренции крупных игроков, обеспечивая своей стране экономические инвестиции и в какой-то степени создавая ей международно-политический имидж влиятельного регионального игрока, хотя ресурс ее реального влияния на самом деле существенно ниже. Однако и то, и другое происходит в условиях отсутствия у нынешней Сербии собственной международно-политической стратегии, которая у социалистической Югославии, несомненно, была и которая в свое время позволила ей на волне деколонизации стран Азии и Африки сформулировать инициативную внешнюю политику в рамках «движения неприсоединения».

Существенным ограничителем для Сербии также является современный геостратегический баланс в регионе. Во времена холодной войны баланс был полновесным – 2 (Греция и Турция – члены НАТО) + 2 (Югославия и Албания вне блоков) + 2 (Румыния и Болгария в ОВД). Сегодня вне НАТО остались только Сербия и Босния и Герцеговина (а фактически – только сербский энтитет), что автоматически уменьшает возможности сербского руководства для международно-политического маневрирования и проведения подлинно суверенной внешней политики.

Именно возможность проведения собственной политики в рамках «движения неприсоединения» в условиях геостратегического равновесия в субрегиональном масштабе делали И. Броза Тито – в отличие от А. Вучича – равным переговорщиком и относительно неуязвимым политиком в глазах как Москвы, так и Вашингтона и европейских столиц. Отсутствие такой возможности у современной Сербии становится причиной весьма снисходительного отношения к стране со стороны всех ее стратегических партнеров, а в кризисных ситуациях – определенного недоверия (что более заметно в отношениях Белграда с Брюсселем и Москвой), тем самым нивелируя до некоторой степени ценность союзников и для самой Сербии.

Наконец, и концепция «титовской» Югославии, и императивы ее внешней политики, и политический имидж югославского лидера И. Броз Тито существовали в рамках наднациональной или, по крайней мере национально-примиренческой, идеи. Концепция современной Сербии, как и логика ее международного позиционирования, – сугубо национальные, более того – не могут быть иными в существующих этнотERRиториальных реалиях Балканского региона. А. Вучич с самого начала идентифицировал себя именно как национального лидера. Ни в его политическом имидже, ни в основных задачах внешней политики Сербии нет наднационального начала. С точки зрения международно-политического позиционирования это диссонирует как с идеей европейской интеграции, так и с представлениями КНР и РФ о важности формирования относительно единого и бесконфликтного пространства в Балканском регионе.

«Национализм» современной сербской внешней политики в определенной степени становится естественным ограничителем для формулирования инициативных внешнеполитических проектов. Совместный проект Белграда и Тираны «Открытые Балканы», запущенный в 2019 г., был попыткой выйти за рамки национальных нарративов для организации единого субрегионального пространства [Пророкович, Энтина, 2023]. Но реализации данной инициативы препятствуют жесткие противоречия в видении форматов субрегиональной интеграции между США и ЕС, что ставит вопрос о наличии у проекта «Открытые Балканы» реального политического потенциала.

В целом сложившаяся ситуация подталкивает Белград к тому, чтобы в качестве основы международно-политического взаимодействия продвигать важную, но не уникальную идею строгого следования нормам международного права.

Внешняя политика в размытых национальных и государственных границах

Существенным фактором внешней политики Сербии является также и то, что она формируется и проводится в условиях «размытых» национальных границ, причем в данном случае косовский вопрос – немаловажная, но не единственная составляющая сложившейся ситуации. С одной стороны, разные политические акторы,

включая США, ЕС, РФ и КНР, признают Сербию в разных территориальных границах, что уже само по себе обуславливает специфику ее международного поведения. С другой стороны, Белград в любом случае не может принимать внешнеполитические решения, идущие вразрез с интересами Республики Сербской в Боснии и Герцеговине, или просто действовать без учета ее интересов. Наконец, с третьей стороны, нельзя не учитывать фундаментальную роль Сербской православной церкви в построении как исторического, так и современного сербского государства и ее влияние на Балканах в рамках, как минимум, трех государств – Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины. Таким образом, сербская внешняя политика, обеспечивающая решение насущных задач национального государственного строительства, де-факто формируется не в пределах государственных границ, а в пределах так называемого «сербства» (т.е. сербской этнической общности).

Иными словами, при решении внешнеполитических задач – будь то европейская интеграция, двусторонние отношения в субрегионе или многосторонние форматы диалога на площадках международных организаций – Белград вынужден учитывать гораздо больший набор факторов, чем среднестатистическая страна сопоставимого уровня. Это одновременно – и основной ресурс, и главная уязвимость внешнеполитической стратегии Сербии: с одной стороны, в «неудобные» моменты комплексность внешней политики позволяет Белграду отказываться от навязываемых решений, с другой – нерешенный этнический вопрос всегда становится основным элементом давления со стороны внешних сил для воздействия на политику национального государства.

В итоге оценивать сербскую внешнюю политику в традиционных категориях «успешности» или «эффективности» чрезвычайно сложно. Вероятно, именно поэтому характеристики, которые она получает как от исследователей, так и от граждан, полярны: от полной поддержки до разгромной критики. Вместе с тем представляется, что выбранная Белградом внешнеполитическая тактика в краткосрочной перспективе продолжит приносить дивиденды, а, может быть, даже откроет «окно возможностей» в случае обновления европейской архитектуры безопасности.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Долгосрочная игра на опережение : американцы лезут БРИКС под кожу. (2023) / Энтина Е.Г., Давранова С.Б., Мелоян Т.Х., Наджаров А.М. // Санкционная канарейка / НИУ ВШЭ, Центр Средиземноморских исследований. – Москва. – Выпуск 6. – С. 1–8 [Long-term game of advance : Americans are getting under the skin of the BRICS *[Dolgosrochnaya igra na operezhenie : amerikantsy lezut BRIKS pod kozhu]*. (2023) / Entina E.G., Davranova S.B., Meloyan T.Kh., Nadzharov A.M. // The sanctioned canary / National research univ. «Higher School of Economics», Center for Mediterranean Studies. – Moscow. – Issue 6. – P. 1–8] (In Russian).

Иванов О., Тарасенко П. (2011). Сербию и Косово усадили за стол // Коммерсантъ. – Москва. – 10.03. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1597790> (дата обращения: 26.02.2024) [Ivanov O., Tarasenko P. (2011). Serbia and Kosovo were seated at the table *[Serbiyu i Kosovo usadili za stol]* // Kommersant. – Moscow. – 10.03. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1597790> (date of access: 26.02.2024)] (In Russian).

Косово ввело пошлину в 100% на товары из Сербии и Боснии и Герцеговины. (2018) // ТАСС. – Москва. – 21.11. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/5819245> (дата обращения: 26.02.2024) [Kosovo has imposed a 100% duty on goods from Serbia and Bosnia and Herzegovina *[Kosovo vvelo poshlino v 100% na tovary iz Serbii i Bosnii i Gertsegoviny]*. (2018) // TASS. – Moscow. – 21.11. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/5819245> (date of access: 26.02.2024)] (In Russian).

Посол России : сценарий цветной революции был впервые опробован Западом в Сербии. (2023) // Коммерсантъ. – Москва. – 25.12. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6426429> (дата обращения: 26.02.2024) [Russian Ambassador : the scenario of the color revolution was first tested by the West in Serbia *[Posol Rossii : tsstenarii tsvetnoi revolyutsii byl vpervye oprobovann Zapadom v Serbii]*. (2023) // Kommersant. – Moscow. – 25.12. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6426429> (date of access: 26.02.2024)] (In Russian).

Премьер Сербии сообщила, что Москва предупредила о подготовке беспорядков. (2023) // РБК. – Москва. – 25.12. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/12/2023/6588b8799a79473b2ad28ef0> (дата обращения: 26.02.2024) [The Serbian Prime Minister said that Moscow had warned about the preparation of riots *[Prem'er Serbii soobshchila, chto Moskva predupredila o podgotovke besporyadkov]*. (2023) // RBC. – Moscow. – 25.12. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/12/2023/6588b8799a79473b2ad28ef0> (date of access: 26.02.2024)] (In Russian).

Пророкович Д., Энтина Е.Г. (2023). Открытые Балканы : перспективы институционализации // Вестник международных организаций / НИУ ВШЭ. – Москва. – Т. 18, № 2. – С. 106–121 [Prorokovic D., Entina E.G. (2023). Open Balkans : prospects of institutionalization *[Otkrytie Balkany : perspektivy institutsiyalizatsii]* // Bulletin of international organizations / National research univ. «Higher School of Economics». – Vol. 18, Issue 2. – P. 106–121] (In Russian).

Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Сербии о сотрудничестве в нефтегазовой отрасли. (2008) /

Правительство РФ. – Москва. – 25.01. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&collection=1&nd=203001834&page=1&rdk=0&link_id=4&ysclid=lraknra9jg447767706#I0 (дата обращения: 26.02.2024) [Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Serbia on cooperation in the oil and gas industry [*Soglashenie mezhdu Pravitel'stvom Rossiiskoi Federatsii i Pravitel'stvom Respubliki Serbii o sotrudничестве в нефтегазовой отрасли*] / The Government of the Russian Federation. – Moscow. – 25.01. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&collection=1&nd=203001834&page=1&rdk=0&link_id=4&ysclid=lraknra9jg447767706#I0 (date of access: 26.02.2024)] (In Russian).

2015 : Serbia opens its first negotiations chapters. (2016) / European Parliament. – Strasbourg. – 2 p. – URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2016/573942/EPRS_ATA\(2016\)573942_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2016/573942/EPRS_ATA(2016)573942_EN.pdf) (date of access: 26.02.2024).

Brussels Agreement : first agreement of principles governing the normalization of relations. (2013) / The Government of the Republic of Serbia. – Brussels. – URL: <https://www.srbija.gov.rs/specijal/en/120394> (date of access: 26.02.2024).

Guzina D. (2023). Serbia after Yugoslavia : caught between geopolitics and liberal promises // Geopolitics. – Abingdon-on-Thames : Taylor & Francis. – Vol. 28, Issue 4. – P. 1589–1610.

Luo Y., Assche A.V. (2023). The rise of techno-geopolitical uncertainty : implications of the United States CHIPS and Science Act // J. of international business studies. – London : Palgrave Macmillan. – N 54. – P. 1423–1440.

Pantovic M. (2016). Serbs ponder Vucic's claim to Tito's legacy // Balkan Insight. – Belgrade. – 10.11. – URL: <https://balkaninsight.com/2016/11/10/experts-said-serbian-pm-revoking-better-past-for-personal-gain-11-08-2016/> (date of access: 26.02.2024).

Rogov S.M. (2022). An inequilateral triangle : Russia – United States – China in a new geopolitical environment // Herald of the Russian Academy of sciences. – Moscow. – Vol. 92, Suppl. 7. – P. S564–S573.

Stabilisation and association agreement between European Communities and their member-states of the one part, and the Republic of Serbia, of other part. (2013) / The European Community and the European Atomic Energy Community ; the Government of the Republic of Serbia. – Brussels. – 834 p. – URL: https://europa.rs/upload/documents/key_documents/2008/SAA.pdf (date of access: 26.02.2024).

Transnational relations and world politics. (1972) / R.O. Keohane, J.S. Nye (Eds.). – Cambridge, MA : Harvard univ. press. – 428 p.

Vuksanovic V. (2021). Systemic pressures, party politics and foreign policy : Serbia between Russia and the West, 2008–2020 / London School of economics and political science. – London. – 274 p.

Walt S. (1987). The origins of alliances. – New York : Cornell univ. press. – 322 p.

© Entina E.G.¹

Serbian foreign policy: challenges and perception

Abstract. Despite the fact that, according to most basic parameters, modern Serbia is a small continental state located within the influence sphere of a major geopolitical project (European and Euro-Atlantic integration), the established liberal and realist academic discourse on Serbian foreign policy does not fully explain the current reality of the Serbian policy agenda. One of the main omissions of these theoretical constructs is that the crucial factor of self-perception of Serbian people and statehood is not typically taken into consideration. Another problem is that, while implementing foreign policy objectives, Belgrade has to take into account a much larger set of factors than the average country of comparable level. These factors include: the presence of an unresolved national issue, ethnoterritorial conflict, a watchful (and sometimes hostile) external environment, challenges of interreligious and intra-confessional dialogue on a regional scale, competition between international actors, etc. On the one hand, this opens up a window of opportunity for Serbia, on the other, it creates excessive interdependence between foreign and domestic policies.

This article examines the fundamental aspects of Serbian foreign policy (its multi-vector strategy and the limits of the balancing potential in the region) in close connection with three principal points of the constructivist paradigm: the awareness of blurred national and state boundaries, the perception of the role of the national leader and the understanding of the multi-actor nature of the Serbian political space.

Keywords: Serbia, foreign policy, constructivism, multi-vector strategy, poly-actor spaces.

Статья поступила в редакцию (Received) 12.01.2024

Доработана после рецензирования (Revised) 19.02.2024

Принята к публикации (Accepted) 14.03.2024

¹ **Entina Ekaterina Gennadyevna** – ScD in Political Sciences, Professor, National Research University «Higher School of Economics», Head of the Black Sea and Mediterranean Studies Department, IE RAS; e.entina@hse.ru